

ВЕНГЕРСКИЕ СОБЫТИЯ 1956 г. В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ И ЛОКАЛЬНОМ ВОСПРИЯТИИ

Г.Н. Яковлева (Витебск)

Среди проблем, доставшихся новому руководству СССР в наследство от Сталина, был комплекс внешнеполитических вызовов, от ответа на которые зависела будущая конфигурация международных отношений и стабильность внутривластной ситуации. СССР и страны Запада – два главных противоборствующих лагеря на поле холодной войны – в 1953 г. стояли перед выбором между продолжением политики конфронтации, с одной стороны, и разрядкой – с другой. Бесперспективность первого пути осознавалась как на Востоке, так и на Западе, поэтому почти одновременно обеими сторонами была продемонстрирована готовность к налаживанию диалога. Проявилось стремление руководства СССР несколько откорректировать и отношения с социалистическими странами. С 1953 г. стали восстанавливаться межгосударственные отношения с Югославией, а затем и межпартийные. 19 июня 1956 г. на стадионе «Динамо» в Москве состоялся митинг советско-югославской дружбы, на котором выступили с речами Н.С. Хрущев и И. Броз Тито.

Серьезные новации прозвучали и на XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.) В резолюции «По Отчетному докладу ЦК КПСС» Югославия не перечислялась в общем списке 12 социалистических стран, достигших серьезных успехов в своем развитии. Но сразу же за этим предложением констатировалось, что «серьезные достижения в социалистическом строительстве имеются также в Югославии» [1, с. 9]. И что ещё более важно, в решениях съезда говорилось о многообразии путей перехода других стран к социализму, а также о том, что «в государствах народной демократии имеется также немало оттенков и отличий в соответствии с условиями каждой страны» [1, с. 15]. 17 апреля было распущено Коминформбюро. Вынужденное признание советской стороной югославской специфики сделало возможным дискуссии Н.С. Хрущева с югославским руководством о путях и методах строительства социализма. Хотя опубликованные в № 6 журнала «Источник» за 2003 г. записки Н.С. Хрущева по этому поводу, со всей очевидностью свидетельствуют, что говорили лидеры двух стран на разных языках [см. 5].

Наступившая в СССР «оттепель», решения и новации XX съезда стимулировали процессы обновления и поиска национальной идентичности в странах Восточной Европы. Особенно активно эти изменения стали происходить в Польше и Венгрии. Однако «венгерская оттепель» в отличие от «хрущевской», опиралась на массовое движение и оказалась более глубоким процессом. Народные выступления переросли 23 октября в национально-освободительную, демократическую революцию под лозунгами восстановления национального суверенитета и проведения свободных парламентских выборов на многопартийной основе, которая была подавлена в течение 4 – 10 ноября советскими войсками. Сначала реакция советской

стороны была довольно умеренной, но 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС было принято постановление «О положении в Венгрии», в одном из пунктов которого поручалось Г. Жукову разработать план военной операции, получившей условное название «Вихрь». По оценке А.С. Стыкалина, «восторжествовал взгляд на Восточную и Центральную Европу как сферу военно-стратегических интересов СССР в его противостоянии с западными державами [цит. по: 2]. Этот выбор противоречил решениям XX съезда КПСС о многообразии путей перехода к социализму и свидетельствовал об ограниченности взятого Н.С. Хрущёвым курса на десталинизацию. Подавление венгерского кризиса имело далеко идущие последствия: утрата значительной частью западной «левой» интеллигенции симпатий к СССР, сам советский проект в лице СССР начал терять свою популярность, усилились консервативные тенденции внутри страны.

Интересна в связи с венгерскими событиями реакция и поведение администрации США и то, как проявился в этой ситуации механизм взаимодействия стран в условиях биполярного мира и раздела сфер влияния по итогам войны. «Еще 27 октября 1956 г. вашингтонская администрация провозгласила политику невмешательства. Руководство США и НАТО рассматривали венгерские события как внутреннее дело советского блока, в то же время радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа» создавали у повстанцев иллюзию о скорой помощи. Одновременно с нарастанием кризиса в Венгрии шла бурная эскалация конфликта на Ближнем Востоке, исход которого был для Запада значительно важнее развития ситуации в Венгрии, относившейся к «советской зоне влияния». Для мировой общественности действия Советского Союза явились подтверждением прочности биполярной системы международных отношений. Доктрина «освобождения», с которой в 1953 г. выступила администрация Д. Эйзенхауэра, была заменена доктриной «наведения мостов» [2].

По мнению Э. Ди Нольфо, раздел Европы на сферы влияния более не являлся предметом конфликта сверхдержав. Будоражить Европу не хотел никто. Тот факт, что Запад не вмешался в венгерский кризис 1956 г., а Советский Союз в Суэцкий кризис, говорит о последовательности, с которой противники придерживались неписаных правил. После 1956 г. изменился характер противостояния или, лучше сказать, соперничества: это касалось молодых независимых стран и глобализации биполярности; относилось к дискуссиям о космическом и ракетном вооружении. Для системы международных отношений венгерский кризис был внутренним потрясением советской системы. Биполярный конфликт переместился в плоскость конкурентного сосуществования [3, с. 841].

Венгерские события имели свои последствия и внутри страны. Российский историк А.С. Стыкалин пишет: «Источники свидетельствуют о неоднозначности восприятия советским обществом венгерских событий. Да, большинство советских граждан действительно в той или иной мере

принимало на веру утверждения официальной пропаганды. Наиболее эффективным пропагандистским аргументом в пользу необходимости силового решения был тезис о том, что Советская Армия своим вмешательством в Венгрии якобы предотвратила новую большую войну... Многие советские граждане, принимавшие всерьез официальные догмы, видели в происходящем в первую очередь попытку вывести Венгрию из советской сферы влияния... Венгерские события, таким образом, воспринимались частью общества как своего рода продолжение Великой Отечественной войны, а советские военные действия как законный ответ на посягательства некоторых сил пересмотреть завоевания, достигнутые СССР в борьбе с фашизмом. Существование таких настроений работало на один из решающих аргументов в пользу силового способа разрешения венгерского вопроса. «Нас не поймет наша партия», – говорил Хрущев 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС. Значительная часть рядовых партийцев действительно опасалась ослабления державной мощи СССР, а в венгерских событиях видела симптом такого ослабления» [4].

Был у Хрущева и ещё один аргумент. Он на встрече с партактивом в Москве объяснял принятие решения о силовом разрешении кризиса в Венгрии так: «Если бы мы не оказали помощи в деле разгрома контрреволюционеров в Венгрии, то другие страны перестали бы нас уважать». «Враги в оценке нашего поведения могли рассуждать так: или у них сил нет, или силы есть, но они не умеют этой силой пользоваться, а если они не умеют, то почему бы их не потрясти» [5, с. 74].

Но фактом является и то, что общество не было уже монолитным, а часть интеллигенции в СССР критически относилась к официальной трактовке событий в Венгрии, что нашло свое отражение в российских публикациях, например, того же А.С. Стыкалина [4].

Достаточно неоднозначно воспринималась «будапештская осень» и в БССР. Интересно, что многие высказывания по поводу венгерских событий в республике можно найти в документах, которые касаются обсуждения на партийных собраниях знаковых документов 1956 года: секретного доклада Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС, постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О культе личности и его последствиях» и письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Анализ документов, отложившихся в ГАВТ, которые содержат материалы этих обсуждений, позволяет выявить спектр мнений беспартийных, членов партии и комсомольцев Витебщины по оценке и восприятию событий 1956 г. в Венгрии.

Во-первых, конечно, присутствовало одобрение официальной точки зрения на произошедшие события. Оно выражалось, например, путем одобрения на партсобраниях в Витебске [6, л. 133] и Полоцке решений советского правительства по оказанию помощи венгерскому революционному правительству в подавлении реакционных сил [7, л. 76, 85]. Или в таком виде:

«население Россонского района радуется одержанной победе венгерских трудящихся над силами реакции» [8, л. 7].

Во-вторых, некоторые коммунисты либо не знали, как им относиться к венгерским событиям, либо часть из них была недовольна тем, что при своих собственных трудностях, правительство оказывало материальную помощь Венгрии. Рядовые партийцы считали, что это ущемляет интересы граждан СССР [9, л. 164].

В-третьих, документы фиксируют тот факт, что жители Витебщины слушали «заграничные передачи», общались с родственниками из Польши и распространяли «нездоровые слухи» по поводу событий в Восточной Европе.

В-четвертых, пропагандисты, проводившие собрания, и отвечавшие на поступающие при обсуждении доклада, постановления и письма вопросы, в отчетах вынуждены были констатировать наличие мнений, далеких от официальных. Например, студент 3-го курса Витебского ветеринарного института на занятиях утверждал, что «события в Венгрии носили не контрреволюционный, а революционный характер». Его долго пришлось убеждать в обратном [9, л. 165]. А учитель А. Баранской школы Лиозненского района заявил, что «Советский Союз захватил Польшу» [10, л. 119 – 120]. В Городокском районе в октябре 1956 г. появились антисоветские листовки [11, л. 42].

В-пятых, при обсуждении доклада Н.С. Хрущева и других документов местные партийцы и беспартийные часто высказывали многочисленные и обоснованные претензии по поводу недостатков и бесхозяйственности на производстве, нехватки продуктов питания, неуважительного отношения своего начальства к мнениям и нуждам рабочих и колхозников. Критикуя местное руководство, они часто апеллировали к событиям в Венгрии, как бы призывая членов партии учесть этот опыт, изменить если не курс, то хотя бы стиль руководства. Так, в Дубровненском районе беспартийный А. говорил: «Вы, т. К., не с нашего коллектива, вы слепые послушники райкома партии и выполняете директивы, скрепленные тремя сургучными печатями, у вас получится скоро, как было в Венгрии» [11, л. 40]. А некоторые, правда, в нетрезвом виде, почти угрожали: «Вам, коммунистам, нужно так сделать, что делали в Венгрии» [9, л. 19].

Таким образом, для системы международных отношений венгерский кризис был внутренним потрясением советской системы. Биполярный конфликт переместился в плоскость конкурентного сосуществования.

Критика культа личности на XX съезде КПСС и советская «оттепель» вызвали серьезные и необратимые последствия в мире и стране. Престиж КПСС и СССР на мировой арене упал.

Хрущев Н.С. на словах сделал выводы из венгерских событий об ошибках КПСС во взаимоотношениях с соцстранами и призвал руководство СССР помнить, что это самостоятельные и суверенные государства. Он правильно говорил, что нельзя навязывать своего мнения или опыта, не надо одергивать лидеров братских партий по мелочам, не кичиться, быть скромнее, изживать синдром «старшего брата» [5, с. 65, 71, 77]. К

сожалению, вся практика взаимоотношений руководства КПСС с соцстанами противоречила тому, что говорил Н.С. Хрущев на расширенных партактивах в Москве в ноябре 1956 г.

Спектр мнений по восприятию и оценке венгерских событий на Витебщине был таким же неоднозначным, как и в целом по стране. Наибольшие сомнения в правильности проводимой СССР политики проявляла местная интеллигенция, здесь также сказывался фактор близости границы. Интересно, что учесть опыт венгерских событий призывали свое руководство на местах и рядовые коммунисты и беспартийные Витебщины.

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1988): в 15 т. / Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. – 9-е изд. доп. и испр. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 9. 1956 – 1960. – 574 с.
2. Свилас, С. «Венгерский октябрь» 1956 г. и дипломатия Белорусской ССР / С. Свилас // Журнал международного права и международных отношений [Электронный ресурс]. – 2011. – № 1. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/16021/1/2011_1_JILIR_svilas.pdf. – Дата доступа: 02.03.2015.
3. Ди Нольфо, Э. История международных отношений. 1918 – 1999 / Э. Ди Нольфо. – М.: Логос, 2003. – 1306 с.
4. Стыкалин, А. Венгерские события 1956 г. в откликах двух российских ученых / А. Стыкалин // Международное общество «Мемориал»: Проект: «Уроки истории. XX век» [Электронный ресурс]. – 2014. – 21 ноября. – Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/node/52284>. – Дата доступа: 01.03.2015.
5. Источник. – 2003. – № 6. – С. 29 – 37; С. 41 – 49, 63 – 77.
6. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 273.
7. ГАВт. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 312.
8. ГАВт. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 298.
9. ГАВт. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 482.
10. ГАВт. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 481.
11. ГАВт. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 476.